

РАЗВЕДКА БУДУЩЕГО ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Начнем с панегирика... коммерции! Именно торговля создала нашу цивилизацию и, следовательно, должна рассматриваться как один из наиболее универсальных механизмов социальной эволюции человечества. Вы не найдете народа, чья торговая деятельность появилась бы лишь недавно. Какие бы племена в какой бы глубочайшей древности ни заселяли ту или иную территорию, — они уже приносили с собой навыки обмена. Не имевшие еще письменности и государственности, наши предки были преисполнены ненасытного любопытства, здравого смысла и тяги к улучшению своей жизни. Что до нашей с вами истории, то уже самые первые письменные источники прямо указывают на торговую (импортно-экспортную) деятельность славян. «В Правилах церковных митрополита Киевского Иоанна (XI в.) говорится, что русские купцы ездили к “поганым” “купли ради”»¹.

И здесь мы подходим к теме нашей книги, утверждая: именно церковники и купцы были первыми путешественниками — хлеба духовного и хлеба насущного ради. И со времен фараонов они вели записки о своих походах. На Руси первым — и выдающимся! — сочинением такого рода по праву считается «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» (1104—1106)². За ним последовали другие подобные хождения: архиепископа Антония, в миру Добрыни Ядрейковича (1200—1204)³, Игнатия Смольнянина (1389—1392)⁴ и дяка Александра (1391—1396)⁵ — в Царьград; Зосимы — в Царьград, Афон и Палестину (1419—1422)⁶; Варсонофия — в Египет, Синай и Палестину (между 1456—1462)...

К этому можно добавить описания хождений в Италию на Ферраро-Флорентийский Собор (40-е годы XV в.). Вот что читаем у современного исследователя: «Самыми ранними текстами, писавшимися еще во время пребывания русской делега-

---

¹ Книга хожений. М., 1984. *Хожение* — это жанр средневековой русской литературы, форма путевых записок, в которых отечественные путешественники описывали свои впечатления от посещения иностранных земель. Другие названия жанра — «путник», «странник», «паломник», «скаска», «посольство». Для современного человека слово *хожение* кажется неблагозвучным и даже неправильным, поэтому мы будем далее писать на современный лад — *хождение*, хотя это не совсем точно с исторической и научной точки зрения.

² См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 7—45.

³ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. СПб., 1872.

⁴ Издавалось неоднократно, — см., например: Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим // Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 96—108; Православный палестинский сборник. Т. IV, вып. 3. СПб., 1887.

⁵ См.: Полное собрание русских летописей. М., 1848, т. 4, с. 357—358; Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 376—378; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 71—72.

⁶ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. II, кн. 8, СПб., 1849. С. 58—69.

ции за границей и законченными сразу же или вскоре по возвращении русичей домой, являются: «Хождение во Флоренцию»... неизвестного суздальца¹, «Заметка о Риме» (название условное) также неизвестного автора², «Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945»³... и «Исидоров собор и хождение его» Симеона Суздальского⁴... Симеон Суздальский составил еще одну версию рассказа о лично пережитом в Италии: «Повесть священноинока Симеона Суздальца, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомышленники»⁵.

Следует отметить: авторы этих и других подобных текстов, как правило, основное внимание уделяли все же не описанию посещаемых ими стран; их главной задачей было создание более или менее связных рассказов о конечных предметах своих путешествий, будь то святые места Палестины или перипетии Собора.

Упомянем здесь еще своего рода «пограничные» хождения: гостя⁶ Василия в Малую Азию, Египет и Палестину (1466)⁷, Василия Позняка в Александрию и Иерусалим (1558—1561)⁸, Василия Гагары в Иерусалим и Египет (1634—1637)⁹. Пограничными, или переходными, промежуточными, их можно обозначить потому, что, будучи купцами, «гость Василий» и Василий Гагара предпринимали не торговые путешествия, а религиозные палом-

ничества — подобные тем, которые уже несколько столетий совершали церковнослужители.

Знаменательно, что тогда же, когда гость Василий отправился в Святую землю, состоялось и первое чисто купеческое предприятие, чье описание сохранила история: знаменитое ныне «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (1466—1472). Фактически писаную историю русской торговли можно отсчитывать от этого первенца жанра, возглавившего серию дошедших до нашего времени путевых записок о приключениях русских купцов в чужеземных странах.

Можно предположить, что писались такие путевые дневники и раньше, но за их авторами, в отличие от церковных иерархов, не стоял тот могучий общественно-политический (и бюрократический) институт, который обладал бы возможностями, желанием и практическими потребностями сохранять и распространять подобного рода сочинения.

Любой народ объединяют язык, вера — и торговля! Именно постоянная насущная потребность в товарообмене, то есть в удовлетворении ежедневных жизненных потребностей податного сословия и элиты, наряду с политическими амбициями московских князей и центростремительной деятельностью церкви заложил основы необратимой интеграции удельных земель. И русские купцы сыграли в этом процессе уникальную роль.

Пути доставки товаров и их ассортимент, количество и цены; изменение со временем структуры торговли и условий, в которых она происходила; распад Киевской Руси, татаро-монгольское нашествие, возвышение Московского княжества; внутривнутриполитические преобразования и войны (захватнические и оборонительные); технический прогресс и церковный раскол XVII века — все это и многое другое вносило свою лепту в эволюцию русской торговли, а следовательно, не могло не сказаться на маршрутах торговых путей, которые прокладывали энтузиасты.

Вслед за никитинским, уже в XVI—XVII веках, были созданы описания путешествий купца Федота Котова (1623—1624) и другие подобные сочинения. Традиция рассказов о торговых вояжах продолжилась и в XVIII веке.

Хотелось бы обратить внимание читателя на трансформацию жанра купеческих «хождений». Начиная с безыскусных, хотя в своей наивности порой и восхитительных поденных записей и описаний городов, людей, рынков, обычаев и диковин, эти рассказы становятся все подробнее и достовернее, в них появляется складность и занимательность, зоркость наблюдений дополняется размышлениями и анализом увиденного и пережитого.

¹ Хождение во Флоренцию // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 468—493.

² Заметка о Риме // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. С. 494—495.

³ Исхождение Авраамия Суздальского на осмый собор с митрополитом Исидором в лето 6945 // Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в. (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 363). М., 1970. С. 254—264.

⁴ Исидоров собор и хождение его // Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. С. 89—101.

⁵ Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 86.

⁶ Слово «гость», часто встречающееся в исторических источниках, означает «купец». Далее мы это словоупотребление в большинстве случаев не оговариваем.

⁷ См.: Хождение гостя Василия/Под редакцией архимандрита Леонида // Православный Палестинский сборник. Т. 2, вып. 3 (вып. 6). СПб., 1884, 18 с.; Хождение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хождений: Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 169—177, 350—361 и 417—420.

⁸ Первые издания — 1884 и (по другому списку) 1887 гг.

⁹ Первая полная публикация: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849 г. Т. II, кн. 8. С. 110—122.

Купец XV—XVII веков — это по преимуществу отчаянный сорвиголова, толкаемый в соседние княжества и в чуждаемые земли жаждой наживы. Негоцианты XVIII века — это зачастую в одном лице предприниматели и путешественники, писатели, дипломаты, шпионы... Вообще русский купец за границей почти всегда был по совместительству, в той или иной мере, и дипломатом, и разведчиком, и географом, поэтому характер таких путевых записок и их место в русской истории и литературе определяются, на наш взгляд, не столько особенностями текста, сколько социальной принадлежностью автора, диктовавшей ему точку зрения на переживаемые и описываемые перипетии путешествия.

Нельзя не вспомнить здесь и дипломатических посланцев московского правительства: все они по долгу службы составляли официальные отчеты, а некоторые — весьма содержательные описания своих приключений и мест, в которых побывали. Наряду с паломниками, купцами и позднейшими профессиональными географами и натуралистами они по праву должны быть причислены к сонму русских путешественников. До наших дней дошло около 50 так называемых «Статейных списков» — отчетов-дневников московских посольств о пребывании в иностранных государствах¹.

Особый интерес представляют списки XVII в., сохранившиеся в Столбцах Сибирского приказа.

Из них следует, что центральное правительство отнюдь не обладало монополией внешних сношений: при надобности сибирские наместники и воеводы снаряжали в пограничные страны собственные посольства. Вот что писал об этих «непатентованных дипломатах» крупный исследователь конца XIX — начала XX в. Н. Н. Оглоблин²: «Они оставили нам любопытные “статейные списки” своих посольств, представляющие ценные материалы не только для политической истории среднеазиатских владений XVII века и наших сношений с ними, но и для географии и этнографии цен-

¹ Статейный список посольства стольника и наместника Переславского Ивана Ивановича Чемоданова в Венецию в 1656 году; Статейный список посольства стольника и наместника воронежского Василия Лихачева во Флоренцию в 1659 году; Статейный список посланников Василия Лихачева и дьяка Ивана Фомина; Статейный список Петра Ивановича Потемкина (1667—1669); Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора, и проч. Все они опубликованы в «Памятниках дипломатических сношений России» (1851—1871. Т. I—IX).

² Николай Николаевич Оглоблин (1852 — не ранее 1919) — крупный русский историк-археолог, составитель колоссального научного описания «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768)» и множества других исследований, а также известный публицист-социолог. После октябрьского переворота 1917 г. был вынужден эмигрировать.

тральной Азии (Курсив наш.— Ред.). Из немалого ряда “статейных списков” XVII в., сохранившихся в столбцах Сибирского Приказа (в Московском Архиве Министерства Юстиции), предлагаю (в своем пересказе, с сохранением всех характерных выражений подлинников) три “статейных списка” из числа более древних. Каждый из них отличается теми или другими характерными особенностями»³.

Далее следует вводящее в тему предисловие Оглоблина и подробное изложение им этих «статейных списков» — посольства Меньшого-Ремезова к Калмыцкому Контайше (1640—1641), посольства П. Семенова к Мунгальскому Цысану-хану (1649—1651), «Рассказа К. Москвитина о поездке к Мунгальскому царю Чичину (1647)». А ведь кроме них (если задержаться только на XVII веке) были еще и томский казак Иван Петлин, совершивший в 1618—1619 годах по инициативе Тобольского воеводы князя И. С. Куракина официальную поездку российских представителей в Китай и оставивший ее описание⁴; и предпринявший в 1654—1657 годах по поручению царя Алексея Михайловича посольскую миссию в Пекин Федор Байков⁵, и другие. Из записок московских и сибирских посланников в пору составить отдельную серию...

* * *

Но самыми важными, самыми значительными русскими путешествиями стали экспедиции второй половины XIX — первой четверти XX века. На эти десятилетия припадает изучение (и освоение) Приамурья Г. И. Невельским, плавание фрегата «Паллада», исследовательские азиатско-дальневосточные походы П. П. Семенова-Тян-Шанского, Чокана Валиханова, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, И. В. Мушкетова, М. В. Певцова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Ц. Цыбыкова, П. К. Козлова, В. К. Арсеньева, открытие не только для России, но и для всего мира экзотики Новой Гвинеи Н. Н. Миклухо-Маклаем, арктические одиссеи барона Толля, лейтенанта Колчака, отца и сына Вилькицких, наконец — индийская сага Н. К. Рериха...

Россия после реформ Александра II стала совсем другой, обновленной державой: из николаевского застоя, пройдя через очищающее поражение

³ Оглоблин Н. Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские статейные списки) // Исторический Вестник. 1891. Т. XLVI. № 10. С. 157.

⁴ Роспись Китайского государства и Монгольских земель, составленная томским казаком И. Петлиным // Сибирский вестник. СПб., 1818. Кн. 8, с. 211—236.

⁵ См.: Путешествие боярского сына Федора Исакиевича Байкова в Китай в 1654 году // Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. II, кн. 8. С. 124—134.

в Крымской войне, она вступила на путь прогресса, едва ли не впервые со времен Петра Великого ставя привычную для себя, но позабытую за полтора столетия задачу: «Догнать и перегнать».

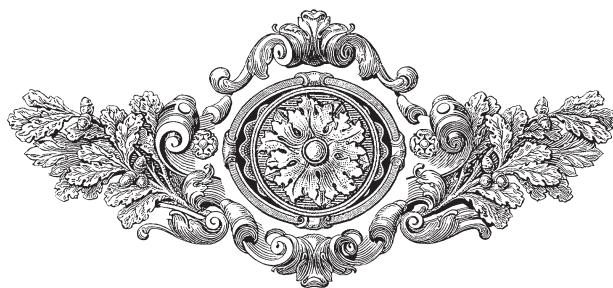
Модернизация требовала не только новейших технологий, современной промышленности, средств связи, реорганизации управленческого аппарата, — она нуждалась в качественно новых знаниях о пограничных и соседних территориях, народах и государствах. Кажется, впервые в истории русское правительство осознало фундаментальную, государственную потребность в комплексном, продуманном, спланированном, всеобъемлющем освоении собственных пространств и изучении сопредельных.

Одно из характернейших свойств цивилизации — экспоненциальное умножение информации. А также, добавим, переход от инстинктивного, бессознательного накопления знаний к их целенаправленному и планируемому поиску. Как теология со временем превратилась в философию, как из алхимии родилась химия, — так из вынужденных странствий «наугад» сложилась в конце концов стратегия и тактика изучения земной поверхности — во всем ее разнообразии: геологическом, географическом, ботаническом, зоологическом, климатическом... человеческом.

* * *

Нет человека вне истории, но и сама история явлена в человеческих судьбах. Именно поэтому столь интересны рассказы русских путешественников — купцов, первопроходцев, мореплавателей, географов и натуралистов — о том, как по мере расширения знаний об окружающем мире менялся сам этот мир. Изучая пространство, они влияли на его судьбу.

Предлагаемая вашему вниманию книга — это своеобразная антология отечественных странствий, цепь ярких эпизодов и незаурядных биографий, «собрание пестрых глав» — часто от первого лица. Вошедшие в нее избранные страницы из серии «Великие путешествия» дополнены материалами о тех путешественниках, чьи одиссеи еще ждут своей презентации. Можно сказать, что настоящий том подводит промежуточные итоги большого десятилетия знакомящего читателей с историей хождений, поездок, плаваний и экспедиций в сопредельные и чуждальные страны, и одновременно намечает перспективу на будущее, предварительно знакомя вас с выдающимися отечественными путешественниками, заслуживающими того, чтобы их приключения посвятили отдельные тома. Они достойны того, чтобы мы познакомились с ними поближе.

АФАНАСИЙ НИКИТИН

Столетиями люди стремились к открытию новых земель. Викинги добирались до Северной Америки, иезуиты проникали в закрытые для чужеземцев Китай и Японию, морских пиратов штормы и течения уносили (порой безвозвратно) в неизведанные области Тихого океана...

Но была одна чудесная страна, куда неудержимо влекло всякого предприимчивого европейца. Ее ковры и шелка, шафран и перец, изумруды, жемчуг, алмазы, золото, слоны и тигры, неприступные горы и лесные чащи, молочные реки и кисельные берега лишили покоя не одно романтическое (либо корыстолюбивое) сердце.

Страна эта — Индия. Ее искали, о ней мечтали, пути в нее прокладывали лучшие из мореплавателей. Колумб открыл свою «Индию» (оказавшуюся Америкой) в 1492 году, Васко да Гама достиг настоящей Индии в 1498. Но он немного — на четверть века — опоздал: Индия была уже «открыта».

А толчком к этому послужило стечение несчастливых поначалу личных обстоятельств не слишком богатого, но энергичного и любознательного тверского купца Афанасия Никитина. В 1468 году он набрал (в долг!) товаров и отправился из Твери через Кострому и Нижний Новгород на Кавказ. Но когда он спустился по Волге до Астрахани, один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у Каспийского побережья. Никитин продолжил путешествие (возвращаться домой он не смел: за потерю товаров ему грозила долговая яма). Посуху он достиг Дербента, перебрался в Персию и морем проник в Индию. Там Афанасий пробыл три года (1471—1474) и через Африку (Сомали), турецкие земли (Трапезунд) и Черное море отправился на родину, но домой не добрался: умер в Великом княжестве Литовском, не доезжая Смоленска. Его записки («тетради») были доставлены купцами в Москву и включены в летопись.

* * *

Путешествие за три моря, возможно, не было первым заграничным хождением для Афанасия. Скорее всего, к своим 33 годам, когда он отправился в Персию, этот предприимчивый человек успел немало побродить по свету. Вообще можно утверждать, что в первую очередь купцы, а не ученые, завоеватели и авантюристы с великим упорством расширяли пределы известного мира, искали и находили новые земли, устанавливали связи с новыми народами. Но среди тысяч купцов, пускавшихся в полные опасностей путешествия в отчаянной решимости подешевле купить, подороже сбыть, можно по пальцам перечесть тех, кто оставил по себе путевые записки. И Афанасий Никитин — среди них. Более того, ему удалось посетить страну, куда до него не ступала нога европейца, — удивительную, вождленную Индию. Его немногословное «Хождение...»местило целую россыпь драгоценных сведений о староиндийской жизни, до сих пор не утративших своей ценности. Чего стоит одно только описание торжественного выезда индийского султана в окружении 12 визирей и в сопровождении 300 слонов, 1000 всадников, 100 верблюдов, 600 трубачей и плясунцов и 300 наложниц!..

Издательство «Эксмо» дважды издавало знаменитое «Хождение за три моря» — памятник не только литературный, исторический и географический, но памятник человеческому мужеству, любопытству, предприимчивости и упорству. Приводим здесь с сокращениями этот текст.

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

...Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море Дербентское — море Хвалынское¹, второе море Индийское — море Индостанское², третье море Черное — море Стамбульское. Пошел я от святого Спаса златоверхого³, с его милостию, от великого князя Михаила Борисовича⁴ и от владыки Геннадия Тверского⁵ и от Бориса Захарыча на низ Волгою.

Придя в Калязин и благословясь у игумена монастыря святой живоначальной Троицы⁶ и святых мучеников Бориса и Глеба⁷ Макария с братьею, пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру с другой грамотой Великого князя⁸ (Тверского), и отпустил меня свободно. Также свободно пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и к пошлиннику Ивану Сараеву.

Василий Папин⁹ тогда уже проехал, а я ждал еще в Новгороде две недели татарского, ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от Великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто. И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай¹⁰, Берекезан¹¹.

И въехали мы в Вузаны-реку¹². Тут нам повстречались 3 поганых татарина и сообщили ложные ве-

сти, будто в Вузаны стережет купцов хан Касим¹³ и с ним 3 тысячи татар. Ширваншахов посол Хасан-бек дал им тогда по однорядке и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по однорядке взяли, а весть подали астраханскому царю. Я покинул свое судно и перешел с товарищами на судно к послу. Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите!» А мы того не слышали ничего. Аплыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне¹⁴, застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу¹⁵, они взяли его и тотчас разграбили; а моя вся поклажа была на малом судне.

Большим же судном мы дошли до моря и встали в устье Волги, сев на мель. Татары тут нас взяли и судно назад тянули до еза. Здесь они судно наше большое отобрали, взяв также и четырех русских, а нас отпустили ограбленными за море. Вверх же они нас не пропустили для того, чтобы мы не подали вести. И пошли мы к Дербенту¹⁶ в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек с иранцами да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, а тут есть городок Тарки¹⁷, а люди вышли на берег, и пришли кайтаки¹⁸ и людей же с него поймали всех.

Когда мы пришли в Дербент, то оказалось, что Василий пришел благополучно, а мы пограблены <...> И мы, заплавав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, и тот пошел на Русь; а кто был должен там, тот пошел, куда глаза глядят; другие же остались в Шемахе¹⁹, а иные пошли работать в Баку.

А я пошел в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море в Чапакур²⁰, да тут и жил, в Чапакуре, 6 месяцев,

¹ Каспийское море.

² Индийский океан.

³ Кафедральный собор в Твери. Построен в конце XII в.

⁴ *Михаил Борисович* (1461—1485) — великий князь Тверской.

⁵ Епископ Тверской.

⁶ Монастырь Святой Троицы — монастырь в г. Калягине, основанный игуменом Макарием.

⁷ Имеется в виду одна из церквей Калязинского монастыря, названная в честь Бориса и Глеба, сыновей Великого князя киевского Владимира Святого, канонизированных русской церковью.

⁸ Речь идет об Иване III Васильевиче.

⁹ *Василий Папин* — посол Ивана III ко двору ширваншаха Фаррух-Ясара. *Ширваншах* — шах Ширвана, расположенного на северо-востоке Азербайджана.

¹⁰ *Сарай* — столица Золотой Орды.

¹¹ *Берекезан* — местность в дельте Волги, к северу от Астрахани.

¹² Рукав Волги в нижнем ее течении, впадает в р. Ахтубу.

¹³ *Касим* — первый хан астраханский (с 1466 г.).

¹⁴ *Бугун* — одна из мелей в устье Волги.

¹⁵ *Ез*, или *яз*, — заграждение на реке; устраивается, чтобы задержать рыбу для ее ловли.

¹⁶ *Дербент* — город на западном берегу Каспийского моря. Известен с VI в. н. э.

¹⁷ *Тарки*, или *Тарху* — крепость на дагестанском побережье Каспийского моря.

¹⁸ *Кайтаки* — жители области и княжества Кайтак, или Кайтаг, в западном Дагестане, к северо-западу от Дербента.

¹⁹ *Шемаха* — город в Ширване, ныне районный центр Азербайджана.

²⁰ *Чапакур* — селение в Мазандаране на южном берегу Каспийского моря.

да в Сари¹, в Мазандаранской земле², жил месяц. А оттуда пошел к Амулю³ и тут жил месяц; а оттуда — к Демавенду⁴, а из Демавенда — к Рею⁵... А из Рея пошел к Кашану и тут был месяц; а из Кашана к Найину, а из Найина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда к Сирджану, а из Сирджана к Таруму⁶, где финиками кормят домашний скот, батман⁷ по 4 алтына. А из Тарума пошел к Дару⁸, а из Лара к Вендору⁹.

И тут есть пристанище Ормузское¹⁰; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришел я в Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал — много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошел оттуда после Великого дня, в Фомину неделю, за Индийское море в таве¹¹ с конями.

И шли мы морем до Маската¹² 10 дней; а от Маската до Дега¹³ 4 дня; а от Дега к Гуджерату¹⁴; а от Гуджерата к Камбаю, тут родится индиго

¹ Сари — город в Мазандаране, в 25 км к югу от Каспийского моря.

² Мазандаран, или Мазендеран, — область в Северном Иране, занимающая узкую полосу между южным побережьем Каспия и хребтом Эльбурс.

³ Амуль, или Амоль, — самый крупный город Мазандарана.

⁴ Демавенд — массив и гора, высшая точка хребта Эльбурс (5604 м).

⁵ Рей — один из величайших городов средневекового Ирана; развалины его находятся в 8 км к юго-востоку от Тегерана.

⁶ Кашан, Найин, или Наин, Сирджан, Тарум — иранские города на пути следования Афанасия Никитина.

⁷ Батман — старинная мера веса. В XVII в. употреблялась официально, но только для инородческих окраин Московского государства. В разных местах батманом называли разные веса, в пределах 10 фунтов. Восточные (кавказские, персидские, среднеазиатские) батманы отличались еще большим разнообразием.

⁸ Лар — город на юге Ирана; дважды посещался Афанасием Никитиным.

⁹ Бендер — гавань, порт (перс.), имеется в виду Старый Ормуз (см. следующее примечание).

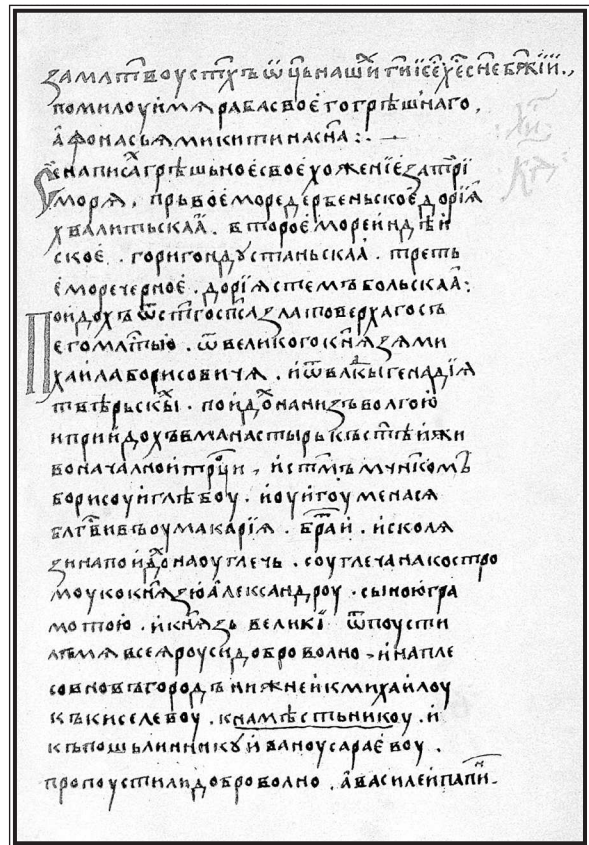
¹⁰ Ормуз (Хормуз, Гурмыз) — остров и старинный порт в Персидском заливе; Старый Ормуз находился на материке на побережье залива.

¹¹ Тава, или даба, — местное название морского судна.

¹² Маскат — порт на Оманском берегу Аравийского полуострова.

¹³ Дега — неясно, какой пункт называет этим именем Афанасий Никитин; можно предположить, что имеется в виду Диу — порт у полуострова Катхавар на западе Индии.

¹⁴ Гуджарат — область на западе Индии. Во времена Афанасия Никитина Гуджарат был самостоятельным государством.

Лист Троицкого списка «Хождения за три моря».

XVI в.

и лакх¹⁵; а от Камбая¹⁶ к Чаулу¹⁷. От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня, а шли до Чаула в таве 6 недель морем.

И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Муж и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку.

А князь их — фата¹⁸ на голове, а другая — на бедрах; бояре у них ходят — фата на плече, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или

¹⁵ Индиго и лакх — краски, получаемые из растений.

¹⁶ Камбай — порт у одноименного залива в Гуджарате.

¹⁷ Чаул — гавань на Малабарском берегу Индии к югу от Бомбея.

¹⁸ Фата — имеется в виду «дхоти» — кусок ткани, повязанный на голое тело вокруг бедер.

Русский купец.

Немецкая гравюра из собрания П. Я. Дашкова. XVI в.

с луками и стрелами. И все голые, босые и сильные. А женки ходят с непокрытой головой и голыми грудями; мальчижи же и девочки ходят голыми до 7-ми лет, и срам у них не покрыт.

Из Чаула пошли сухим путем до Пали¹ 8 дней, то индийские города; а от Пали до Умру 10 дней — это индийский город; а от Умри до Джунира² 6 дней. И живет здесь джунирский, индийский Асад-хан³, Меликтучаров холоп; говорят, что он держит

¹ Пали — город к востоку от Чаула.

² Джунир (Джуннар) — город к востоку от Бомбея.

³ Асад-хан — вероятно, Джуннарский наместник Мухамед-шаха III. В середине XIV в. в Декане создалось мусульманское государство во главе с династией Вахманидов. Во время пребывания Афанасия Никитина в Индии на престоле Вахманидов находился Мухаммед-шах III. От имени этого шаха государством фактически управлял министр (везир) Мухаммед Гаван, носивший титул Мелик-ат-туджар; Афанасий Никитин везде называет его Меликтучаром.

от Меликтучара 7 тем. А Меликтучар имеет 20 тем⁴; в течение 20 лет он бьется с кафирами⁵ — то его побьют, то он их часто побивает. Хан ездит на людях; много у него и слонов, и коней добрых. Много также у него людей — хорасанцев, а привозят их из Хорасанской земли⁶, или из Аравийской, или из Туркменской и Чагатайской⁷; привозят их все морем, в тавах — индийских кораблях.

И привез я, грешный, жеребца в Индийскую землю⁸; дошел же до Джунира, благодаря бога, здоровым — стоило мне это сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня, а зимовали мы в Джунире, жили 2 месяца; в течение 4 месяцев и днем, и ночью всюду была вода и грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и все съестное. Вино же у них готовят в больших орехах кокосовой пальмы, а брагу — в татне⁹. Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им еще рисовые лепешки. В Индийской земле кони не рождаются; здесь рождаются волы и буйволы. На них ездят и товар иногда возят, — все делают.

Город Джунир находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом; один человек подымается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя. В Индийской земле гости останавливаются на подворьях, и кушанья для них варят господарьни; они же гостям и постель стелют, и спят с ними. Хочешь иметь с той или иной из них тесную связь — дашь два шетеля, не хочешь иметь тесной связи — дашь один шетель... Зимой у них люди ходят: фата на бедрах, а другая по плечам, третья на голове. А князья и бояре надевают тогда на себя портки, сорочку и кафтан, и у них же фата по плечам, другою опоясываются, а третью обертывают голову.

Боже, боже великий, боже истинный, боже благий, боже милосердный.

И в том Джунире хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не бусурманин, а русский, то сказал: «И жеребца отдам, и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Мухаммедову; если же

⁴ Тма — десять тысяч; термин вошел в обиход русского языка того времени после монгольского завоевания.

⁵ Кафир — «неверный», так мусульманские завоеватели называли немусульман; Афанасий Никитин кафирами, или кафарами, называет только индуистов, в отличие от «бусурман», т. е. мусульман.

⁶ Хорасанская земля, или Хорасан, — северо-восточная область Ирана. В Средние века к Хорасану причисляли всю территорию от пустыни Дешти-Кевир на западе до р. Амударьи и гор Вадахшана на востоке и от пустыни Каракум на севере до хребта Гиндукуш и области Сеистан на юге.

⁷ Чагатайская земля — в XIII—XV вв. название Средней Азии.

⁸ Индийская земля — Индостан, Индия.

⁹ Татна — род растения, из которого в Индии готовили опьяняющий напиток.

не примешь нашей магометанской веры, то и жеребца возьму, и тысячу золотых на твоей голове возьму». И учинил мне срок 4 дня, на Спасов день, в пост пресвятой Богородицы. И господь бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не повелел мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Мухаммед, и я бил ему челом, чтобы попросил обо мне. И он ездил к хану в город и уговорил его, чтобы меня в веру не обращали; он же и жеребца моего у него взял. Таково господне чудо на Спасов день. Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю.

Меня обманули псы-бусурмане: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят товар морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры, не христиане и не бусурмане; молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

И из Джунира вышли в день Успения пречистой к Бидару¹, большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги² также 5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов³, столько и городов. От Чаула до Джунира 20 ковов, а от Джунира до Бидара 40 ковов, а от Бидара до Кулунгира 9 ковов, и от Бидара до Кульбарга тоже 9 ковов.

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки⁴, на шелк и на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи. На Русскую землю товара нет. Люди все черные и все злодеи, а женки все бесстыдные; повсюду знахарство, воровство, ложь и зелье, которым мроят господарей.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и все бояре также. А индостанцы все пешие, ходят быстро, и все наги и босы, в одной руке имеют щит, в другой — меч. А иные слуги ходят с большими

и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах, и кони и сами. Слонам же к хоботу и к клыкам привязывают большие мечи кованые, весом по кентарю, одевают их в булатные доспехи и делают на них городки; а в каждом городке находится по 12 человек в доспехах, с пушками и стрелами <...>

Весна здесь наступила с Покрова святой Богородицы⁵; весною же, через две недели после Покрова, восемь дней празднуют шейху Алаеддину. Весна длится 3 месяца, и лето 3 месяца, и зима 3 месяца, и осень 3 месяца. В Бидаре же находится престол бусурманского Индостана⁶. Город этот велик, и людей в нем много. Султан у них молод, всего 20 лет, а управляют князья и бояре — хорасанцы, воюют также все хорасанцы <...>

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами. Жеребца своего я продал в Бидаре, а издержал на него 68 футунов⁷, кормил его год. В Бидаре же по улицам ползают змеи длиною в две сажени. А в Бидар пришел в Филиппово заговенье⁸ из Кулунгира, а жеребца своего продал на Рождество. И пробыл я в Бидаре до великого заговенья. Тут познакомился со многими индийцами и объявил им, что я христианин, а не бусурманин, и имя мое Афанасий, по-бусурмански же ходжа Исуф Хорасани⁹. Они не стали от меня таиться ни в чем — ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута¹⁰. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некото-

⁵ Покров святой Богородицы — 1 октября.

⁶ В действительности Бидар был только столицей Вахманидов, а не всей мусульманской Индии.

⁷ *Футун* — южноиндийская монета разной ценности в разных местностях, золотая и серебряная.

⁸ *Филиппово заговенье* — в православной церкви пост с 14 ноября по 24 декабря.

⁹ *Ходжа Юсуф Хорасани* — мусульманское имя, принятое Афанасием Никитиным.

¹⁰ Всех же вер в Индии 84 — по-видимому, Афанасий Никитин имеет в виду многочисленные секты и ответвления индуизма.

¹ *Бидар* — город на Деканском плоскогорье, в 100 км к северо-западу от Хайдарабада.

² *Кулунгир*, *Кульбарга* (Гулбарга) — города в Декане.

³ *Ков* — мера длины, различная для разных областей Индии (от 6,5 до 15 км). Афанасий Никитин считает в кове по 10 верст в среднем.

⁴ *Камка* — шитая золотом цветная шелковая ткань, парча.

рые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату¹ — их Иерусалим, а по-бусурмански Мекка, где их главное идольское капище (бутхана). Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торг у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния... К бутхане, на Бутовы чудеса, съезжается вся Индийская страна. Около бутханы бреются старые женки и девки и сбивают на себе все волосы; бреют также бороды и головы. После идут к бутхане; с каждой головы берут пошлину на Бута — по 2 шекшени², а с коней — по 4 футь. А съезжается к бутхане всех людей 20 тысяч, а бывает время, когда и 100 тысяч. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царь-граде³, в левой же руке у него копье; а на нем нет ничего, только зад у него обвязан ширинкою, облик обезьяний. А другие Буты совсем голые, нет ничего, с открытым задом; а женки Бута вырезаны голыми и со стыдом и с детьми. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, на Бута также сыплют цветы.

Индийцы совсем не едят мяса: ни яловичины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиной у них очень много. Едят же они 2 раза в день, а ночью не едят; ни вина, ни сыты не пьют. С бусурманами не пьют и не едят. А еда у них плохая, и друг с другом не пьют и не едят, даже с женой. Едят рис да кичири⁴ с маслом, да травы разные, а варят их с маслом и молоком. А едят все правую рукою, левою же ни за что не возьмутся; ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горнцу, и варят себе кашу. А от бусурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горнец, ни в еду. Если же бусурман посмотрел на еду, то индеец уже не ест. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва у них на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают. А бутханы же их

без дверей и поставлены на восток; так же на восток стоят и Буты. А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать. Добрых нравов у них нет и стыда не знают. Е[р]иходя или уходя, кланяются по-монашески, обе руки тычут до земли и ничего не говорят.

К Парвату же ездят на великое заговенье, к своему Буту, здесь их Иерусалим, а по-бусурмански — Мекка, по-русски — Иерусалим, по-индийски — Парват. А съезжаются все голыми, только на зад плат; и женки все голые, только на зад фата, а другие в фатах, да на шеях жемчуг и много яхонтов, на руках же золотые обручи и перстни, ей-богу. А внутрь, к бутхане, ездят на волах, и у каждого вола рога окованы медью, да на шее около 300 колокольцев, а копыта подкованы. И тех волов зовут «отцами». Индийцы вола зовут «отцом», а корову «матерью»; на их кале пекут хлеб и варят себе еду, а пеплом мажутся по лицу, по челу и по всему телу. Это их знаменье. В воскресенье же да в понедельник едят один раз днем. В Индии как малостоящее и дешевое считаются женки: хочешь знакомства с женкою — два шетеля; хочешь за ничто бросить деньги, дай шесть шетелей⁵. Таков у них обычай. Рабы и рабыни дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна.

Из Парвата же приехал я в Бидар за 15 дней до бусурманского великого праздника⁶. А Великого дня воскресения Христова не знаю и гадаю по приметам: у христиан Великий день бывает раньше бусурманского байрама на 9 или 10 дней. Со мной нет ничего, никакой книги; а книги мы взяли с собой из Руси, но когда меня пограбили, то захватили и их. И я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер я молю бога, чтобы он хранил меня: «Боже господи, боже истинный, боже, ты бог милосердный, бог творец, ты господь еси. Бог един, ты царь славы, творец неба и земли». А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом. Месяц март прошел, и я месяц не ел мяса, заговел в неделю с бусурманами и не ел ничего скоромного, никакой бусурманской еды, а ел 2 раза в день, все хлеб да воду, и с женкой связи не имел. А молился я богу вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал: бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний.

А от Ормуза идти морем до Галата 10 дней, а от Галата до Дега — 6 дней, а от Дега до Маска-

¹ *Парвата* — храмовый комплекс на правом берегу р. Кистны в 175 км к юго-востоку от Хайдарабада.

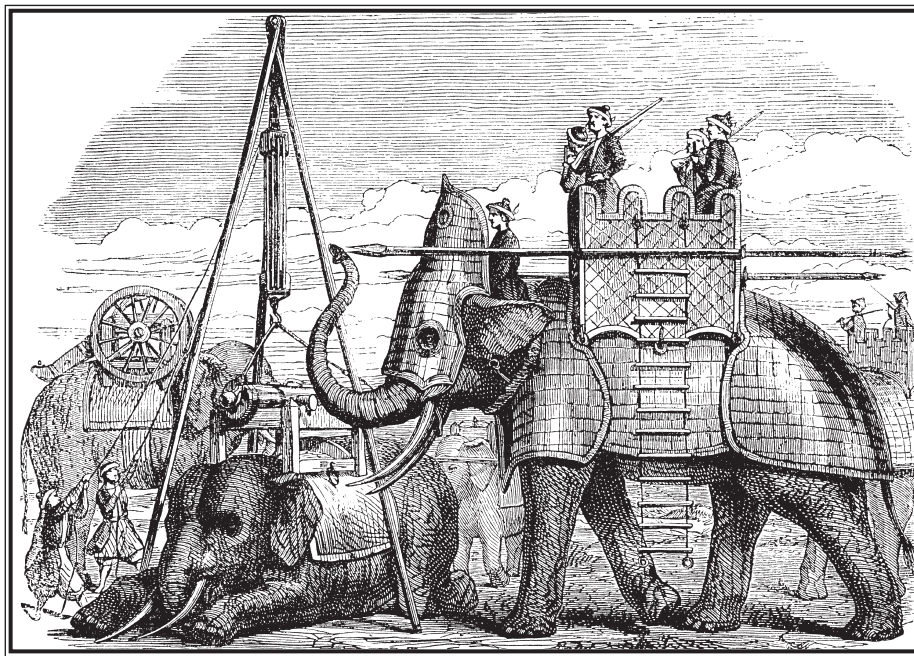
² *Шекшень* — мелкая серебряная монета.

³ Как царь Юстиниан в Царьграде — дается сравнение с положением руки на конной статуе византийского императора Юстиниана I в Константинополе.

⁴ *Кичири*, или *кхичри*, — индийское блюдо из риса с маслом и приправами.

⁵ *Шетель*, или *шитель*, — серебряная монета.

⁶ *Бусурманский великий праздник* — имеется в виду улу-байрам, один из двух главных мусульманских праздников.

Индийский боевой слон.

Гравюра из «Иллюстрированной истории Индии» Джеймса Гранта. 1886 г.

та — 6 дней, а от Маската до Гуджарата — 10 дней, а от Гуджарата до Камбая — 4 дня, а от Камбая до Чаула — 12 дней, а от Чаула до Дабула¹ — 6 дней. Дабул же — это пристань в Индостане, последняя из бусурманских. А от Дабула до Каликута² — 25 дней, а от Каликута до Цейлона — 15 дней, а от Цейлона до Шабата³ идти месяц, а от Шабата до Негу⁴ — 20 дней, а от Пегу до Чина да до Мачина⁵ идти месяц. И то все путь морем. А от Чина до Китая⁶ идти посуху 6 месяцев, а морем идти 4 дня. Да украсит бог покров мой.

Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину. А Камбай — пристань всему Индийскому морю, и товар в нем все делают

алачи⁷, да пестряди⁸, да грубую шерстяную ткань, да делают краску индиго; в нем же родится лакх, сердолик и гвоздика. Дабул — пристань весьма великая, и привозят сюда коней из Египта, Аравии, Хорасана, Туркестана и Старого Хормуза; и ходят посуху месяц до Бидара и до Кульбарга.

А Каликут есть пристань для всего Индийского моря, и пройти его не дай бог никакому судну; кто его минует, тот не пройдет по-здорову морем. А родится в нем перец, имбирь, цвет мускат, циннамон, корица, гвоздика, пряное коренье, адрык⁹ да всякого коренья родится в нем много. И все в нем дешево; да рабы и рабыни очень хороши, черные.

А Цейлон же есть немалая пристань Индийского моря, а в нем на высокой горе¹⁰ отец Адам. Да около него рождаются драгоценные камни, рубины, кристаллы, агаты, смола, хрусталь, наждак. Рождаются также слоны, а продают их на локоть, да страусы — продают их на вес.

¹ *Дабул* — в XV в. важный торговый порт на Малабарском берегу Индии, в 136 км к югу от Бомбея.

² *Каликут* — знаменитый в XIII—XIV вв. порт на юге Малабарского берега Индии.

³ *Шабат* — точно не выяснено, какую страну имеет в виду Афанасий Никитин.

⁴ *Негу* — область в Южной Бирме, в нижнем течении р. Иравади.

⁵ *Чин* и *Мачин* — обычные у мусульманских народов средневековые названия Китая; у Афанасия Никитина — Южный Китай.

⁶ *Китай* — имеется в виду Северный Китай.

⁷ *Алача* — персидская ткань из сученых шелковых и бумажных ниток.

⁸ *Пестрядь* — ткань из разноцветных ниток, тафта или миткаль.

⁹ *Адрик* — вид имбиря.

¹⁰ Имеется в виду Адамов пик на Цейлоне, где, согласно верованиям мусульман, сохранился след ноги первочеловека Адама.

А Шабатская пристань Индийского моря весьма велика. Хорасанцам здесь дают жалованье, по деньге¹ на день, великому и малому. А кто здесь из хорасанцев женится, и шабатский князь дает тем на жертву по тысяче денег, да в жалованье дает, да на еду каждый месяц по 10 денег. А родится в Шабате шелк, сандал², жемчуг, — и все дешево.

В Пегу же пристань немалая, и живут в нем все индийские дервиши. А родятся в нем драгоценные камни, рубин, яхонт. Продают эти камни дервиши.

А Чинская же да Мачинская — пристани весьма великие, и делают здесь фарфор, а продают его на вес и дешево <...>

Шабат же от Бидара 3 месяца, а от Дабула до Шабата 2 месяца, идти морем. Мачин и Чин от Бидара 4 месяца, идти морем. А делают там жемчуг высшего качества, и все дешево. А до Цейлона идти морем 2 месяца. В Шабате же рождаются шелк, фарфор, жемчуг, сандал, слонов продают на локоть.

В Цейлоне рождаются обезьяны, рубины и кристаллы. В Каликуте рождаются перец, мускат, гвоздика, фуфал³ и цвет. В Гуджарате родится индиго и лак, а в Вамбае — сердолик. В Райчуре⁴ же родится алмаз, старой и новой копи; почку⁵ алмаза продают по 5 рублей, а очень хорошего — по 10 рублей; почка же нового алмаза только 5 кеней⁶, черноватого цвета — от 4 до 6 кеней, а белый алмаз — 1 деньга.

Родится алмаз в каменной горе; и продают ту каменную гору, если алмаз новой копи, то по 2 тысячи золотых фунтов, если же алмаз старой копи, то продают по 10 тысяч золотых фунтов за локоть. А земля та султанова холопа Мелик-хана, и от Бидара 30 ковов.

А что Шабат евреи считают своим, еврейским, — и то лгут. Шабайтяне не евреи, не бусурмане, не христиане — иная у них вера, индийская. Ни с иудеями, ни с бусурманами не пьют и не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево, а родится там шелк и сахар, — очень дешево. А в лесу у них водятся дикие кошки и обезьяны и по дорогам нападают на людей, так что из-за обезьян и диких кошек ночью у них по дорогам ездить не смеют.

А от Шабата идти посуху 10 месяцев, а морем 4 месяца на больших судах. У откормленных оленей режут пупы, так как в них находится мускус. А дикие олени сами роняют пупки в поле и в лесу,

¹ *Деньга, тенгэ* — серебряная монета разного веса и ценности в разных местах.

² *Сандал* — сандаловое дерево, общее название нескольких видов пахучих деревьев, ценимых за запах и твердость.

³ *Фуфал* — плод ореховой пальмы.

⁴ *Райчур* — город к юго-западу от Хайдарабада.

⁵ *Почка* — на Руси мера веса для драгоценных камней — 2,13 г.

⁶ *Кены* — мелкая монета, $\frac{1}{64}$ тенги.

и из них выходит аромат, но не такой благоуханный, так как они не свежи.

В месяце мае встретил Великий день⁷ в бусурманском Бидаре в Индостане. Бусурмане же встретили байрам в среду месяца мая, а заговел я месяца апреля в первый день. О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли 4 великих заговенья и 4 Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы. А книг у меня нет, когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. Первый Великий день встретил я в Каине⁸, другой Великий день в Чепакуре в Мазандеранской земле, третий день в Ормузе, а четвертый Великий день в Бидаре, в Индии, вместе с бусурманами. И тут я плакал много по вере христианской <...>

В бусурманской же Индии, в Великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: на Великий день Плеяды и Орион вошли в зорю, а Большая Медведица головою стояла на восток. На бусурманский байрам выехал султан на прогулку, и с ним 20 великих везиров да 300 слонов, наряженных в булатные доспехи с городками, а городки окованы. В городках же по 6 человек в доспехах, с пушками да с пищальями, а на великом слоне 12 человек. На каждом слоне по 2 больших знамени, а к клыкам привязаны большие мечи, по кентарю⁹, к хоботам же привязаны тяжелые железные гири; да между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, которым он правит. Да выехало простых коней тысяча в золотой сбруе, да 100 верблюдов с литаврами, да 300 трубников, да 300 плясунов, да 300 рабынь. А на султана кафтан, весь унизан яхонтами, да на шапке шишак — огромный алмаз, да золотой сайдак¹⁰ с яхонтами, да на нем же 3 сабли, окованы золотом, да седло золотое. А перед ним бежит кафир и играет зонтиком, а за ним много пеших. За ним же слон выученный идет, наряжен весь в камку, с большой железной цепью во рту, — и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану. А султанов брат сидит на золотых носилках, и над ним бархатный балдахин, с золотой верхушкой с яхонтами. И несут его 20 человек. А государь сидит

⁷ *Великий день* — Пасха.

⁸ *Каин* — не установлено, какой город Афанасий Никитин имел в виду.

⁹ *Кентарь* — мера веса, различная для разных местностей, от 50 кг и выше.

¹⁰ *Сайдак* — полный набор вооружения конного воина.

на золотых носилках, а балдахин над ним шелковый, с золотой верхушкой. И везут его на 4 конях в золотых сбруях. Да около него великое множество людей, а перед ним идут певцы и много плясунов. И все с обнаженными мечами и саблями, со щитами, с копьями да с луками, прямыми и большими; а кони все в доспехах, и на них сайдаки. Иные же идут все голыми, только плат на заду, стыд завешен.

Луна в Бидаре стоит полная 3 дня. В Бидаре же нет сладких овощей. В Индостане сильного зноя нет; сильный зной в Ормузе да в Бахрейне¹, где родится жемчуг, да в Джиддо², да в Баку, да в Египте, да в Арабстане³, да в Ларе. Знойно и в Хорасанской земле, да не так. А в Чагатае очень знойно. В Ширазе же да в Йезде и в Кашане знойно, но бывает ветер. А в Гилян⁴ очень душно и сильно парит, да и в Шамахе сильный пар. В Вавилоне (Багдаде) знойно, тоже в Хумсе⁵ и Дамаске. В Алеппо⁶ же не так знойно. А в Севастей губе⁷ и в Грузинской земле на все большое обилие. И Турецкая земля очень обильна. В Волошской земле⁸ также обильно, и дешево все съестное. Обильна всем и Подольская земля⁹. Русская земля да будет богом хранима! <...>

В пятый же Великий день надумал я пойти на Русь. Из города Бидара вышел за месяц до бусурманского улу-байрама, по вере Мухаммеда, пророка божия. А Великого дня христианского — Христова воскресения — не знаю, а говел с бусурманами в их заговенье и разговелся с ними. Великий день встретил в Кульбарге, от Бидара 20 ковов <...>

А от Кульбарга пошел до Кулура¹⁰; а в Кулуре родится сердолик, и здесь его отделяют, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие. И пробыл я здесь пять месяцев и пошел отсюда в Коилконду¹¹, а тут весьма большой базар. А оттуда пошел к Гульбарге, а от Гульбарги пошел к шейху Алаеддину, а от шейха Алаеддина — к Камендрии, а от Камендрии — к Кынарясу, а от Кынаряса — к Сури,

а от Сури пошел к Дабулу — пристани великого Индийского моря.

Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, Индийское и Ефиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышнего, творца неба и земли, Афанасий, поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь. И, сев в таву и сговорившись о корабельной плате, дал до Ормуза со своей головы 2 золотых.

А сел же я в Дабуле на корабль за 3 месяца до Великого дня, бусурманского заговенья. И плыл я в таве по морю месяц и не видел ничего, только на другой месяц увидел Ефиопские горы. И тут люди все воскликнули: «олло конькар бизим баттти мудна насип болмышты», что по-русски значит: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный, здесь ты судил нам погибнуть».

И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, — и они суда не пограбили. А оттуда плыл 12 дней до Маската и в Маскате же встретил шестой Великий день. И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошел к Дару и в Ларе был 3 дня. Из Лара пошел к Ширазу¹², 12 дней, а в Ширазе был 7 дней. А из Шираза пошел в Аберкух¹³, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошел к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошел к Испагани¹⁴, 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошел к Кашану, а в Кашане был 5 дней. А из Кашана пошел к Куму¹⁵, а из Кумы пошел в Саву¹⁶. А из Савы пошел в Султаню¹⁷. А из Султаня пошел до Тавриза¹⁸. А из Тавриза пошел в орду к Хасан-беку¹⁹, в орде пробыл 10 дней, так как пути никуда не было. А на турецкого [султана] послал Хасан-бек рати своей 40 тысяч, и взяли они Сивас; да и Токат²⁰ взяли и подожгли, Амасию²¹ взяли и пограбили там много

¹² *Шираз* — главный город южноиранской области Парс (Фарс).

¹³ *Аберкух*, или *Эберкух*, — город в северной части области Фарс, к юго-западу от Йезда.

¹⁴ *Испагань* — Исфахан, город в центральной части Ирана.

¹⁵ *Кум* — город в Иране, к югу от Тегерана.

¹⁶ *Сава*, или *Саве*, — город в Иране, к северо-западу от Кума.

¹⁷ *Султаня* — Султанйэ (Сольтание), город в северной части Ирана на дороге Тегеран — Тебриз.

¹⁸ *Тавриз* — Тебриз, город в Иранском Азербайджане.

¹⁹ Хасан-бек стоял во главе объединения туркменских племен Ак-Койюнлу («белобаранных»).

²⁰ *Токат* — город в Малой Азии, к северу от Сиваса.

²¹ *Амасия* — Амася, город в Малой Азии, к северо-западу от Сиваса, на реке Ешиль-Ирмак.

¹ *Бахрейн* — группа островов в Персидском заливе.

² *Джидда* — гавань в Аравии на Красном море.

³ *Арабстан* — Аравия.

⁴ *Гилян*, или *Гилян*, — область на северо-западе Ирана.

⁵ *Хуме*, или *Хомс*, — древняя Эмеса, город в Сирии.

⁶ *Алеппо* — город в Сирии.

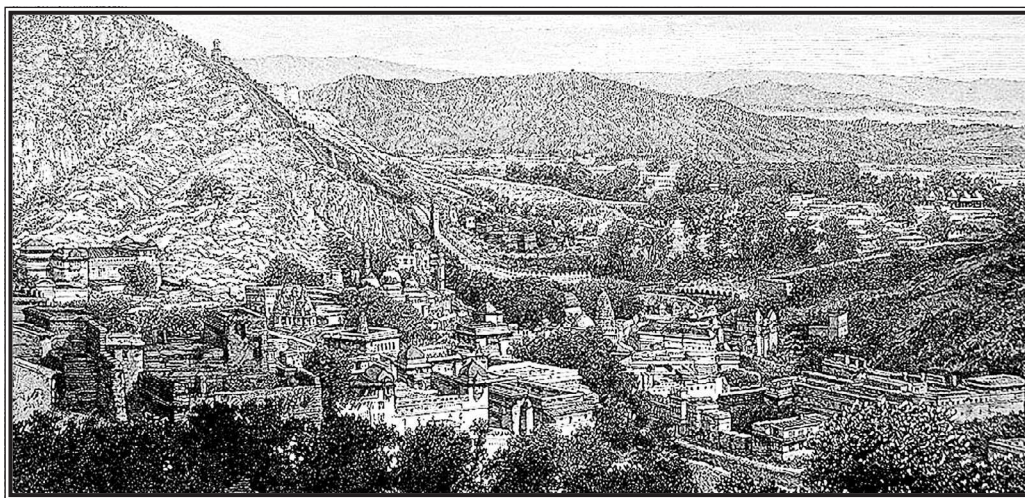
⁷ *В Севастей Губе* — Сивас, Севастия греков, город в восточной части Малой Азии, на р. Кызыл-Ирмак.

⁸ *Волошская земля* — Валахия, ныне Румыния.

⁹ *Подольская земля* — Подолия, русская область по верхнему течению р. Днестр.

¹⁰ *Кулур* — алмазные копи в районе Райчура, к юго-западу от Хайдарабада.

¹¹ *Коилконда* — Голконда, город к юго-востоку от Гульбарги.

Вид Амбера.

Гравюра на дереве. 1885 г.

сел. И пошли воюя на Караман¹. А я из орды пошел к Арзинджану², а из Арзинджана пошел в Трапезунд.

И пришел в Трапезунд³ на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и пробыл в Трапезунде 5 дней. И, придя на корабль, стоворился о плате — дать со своей головы золотой до Кафы; а золотой я взял на пошлину, а отдать его в Кафе⁴. В Трапезунде же субыши⁵ и паша причинили мне много зла: унесли весь мой хлам к себе в город, на гору, да и обыскали все; что мелочь была хорошая — всю выкрали, а искали грамот, так как пришел я из орды Хасан-бека.

Божией милостью доплыл я до третьего моря, до Черного... Плыл же морем по ветру 5 дней и доплыл до Вонады⁶, но тут нас встретил сильный ветер с севера и вернул нас к Трапезунду. И стояли мы в Платане⁷ 15 дней из-за сильного и злого ветра. Из Платаны дважды выходили на море, но встречавший нас злой ветер не давал нам идти по морю;

¹ *Караман* — туркменское государство в юго-восточной части Малой Азии, существовавшее в XIII—XV вв.

² *Арзинджан* — Эрзинджан, город на Армянском нагорье к востоку от Сиваса.

³ *Трапезунд* — Трабзон, город на южном побережье Черного моря.

⁴ *Кафа* — ныне Феодосия, город и порт на юго-восточном берегу Крыма.

⁵ *Субыши*, или *субаши*, — военачальники, местные феодалы в Османской Турции.

⁶ *Вонада* — мыс на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

⁷ *Платана* — городок и гавань на южном берегу Черного моря, к западу от Трабзона.

боже истинный, боже покровитель! — потому что, кроме него, иного бога не знаем.

И море, было, проплыл, да занесло нас к Балаклаве, а оттуда к Гурзуфу, и стояли здесь 5 дней.

Божиею милостью приплыл в Кафу за 9 дней до Филиппова заговенья. Боже, творец! Прошел я милостию божией три моря. Остальное бог знает, бог покровитель ведает...

* * *

Внятное и размеренное, лишенное всяких литературных излишеств и при этом очень личное повествование Афанасия Никитина читается одним духом, но... ставит перед читателем множество вопросов. Как этот человек, лишившись всего своего имущества, добрался до Персии, а оттуда в Индию? Знал ли он заранее заморские языки или выучил их по дороге (ведь он так точно передает русскими буквами татарскую, персидскую и арабскую речь)? Было ли среди русских купцов обыкновенным умение ориентироваться по звездам? Как он добывал себе пропитание? Как собрал деньги, чтобы возвратиться в Россию?.. Тем и ценен этот первый из дошедших до нас рассказов о странствиях русских купцов в чужие пределы, что пробуждает наше любопытство, побуждает обращаться к повествованиям тех, кто после Никитина предпринимал дальние походы с целью, как они думали, получить прибыль, а оказалось — чтобы оставить нам не тускнеющие от времени описания своих странствий.

ФЕДОТ АФАНАСЬЕВИЧ КОТОВ

О московском купце Федоте Афанасьеве¹ Котове известно немного, вернее, почти ничего. Удивляться этому не приходится: он жил в первой половине XVII века — эпоху бурную, не располагавшую к сохранению архивов. Смутное время — не зря так называют пятнадцатилетие конца XVI — начала XVII веков, на которое, по-видимому, пришлось отрочество или юность Котова.

Напомним: в 1598 году умирает сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович — прерывается династия Рюриковичей. Царем становится фактический (с 1587 года) правитель государства Борис Годунов. Как почти каждый российский самодержец — из тех, чье происхождение или приход к власти вызывали сомнения в их легитимности, — Годунов прибегает к репрессиям. Вскоре на страну обрушивается голод 1601—1603 годов. Начинается чехарда самозванцев, а вслед за нею — Русско-польская война (1609—1618). После избрания в 1613 году на трон представителя новой династии — Романовых — на Руси спокойнее не стало. Долго еще ее сотрясали народные восстания. Лишь с заключением Деулинского перемирия (1618) наступает период постепенной стабилизации.

Есть предположение, что род Котовых вел торговлю с Востоком. Впервые имя самого Федота Котова встречается в 1617 году, когда боярская дума, желая отблагодарить англичан за участие в заключении Столбовского мира², вознамерилась по просьбе посла Джона Мерина (Мерика) выделить им участок около Вологды для посевов льна. Многие купцы выступили против, но Котов в числе других не видел в этом никакого ущерба русской льняной торговле. В 1619 году он упоминается как вновь поддержавший англичан, на этот раз речь шла о предоставлении им права осуществлять английскую торговлю с Персией через Московское государство. Побывав в Персии и сам Котов: как торговый представитель царя Михаила Федоровича Романова он в 1623—1624 годах совершил путешествие в Персию «в купчинах, с государевой казною». Его описание вошло в историю под названием «О ходе в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят».

В ходе этой экспедиции Котов преодолел по воде и суше тысячи верст: сперва спустился вниз по Волге до Астрахани, затем доплыл по Каспию до Ширвана, отсюда по суше дошел до Исфахана, потом побывал в «Турской земле», «Индеи» и «городе Индейском Урмузе». После благополучного возвращения на родину Котов либо сам описал свой поход, либо он был записан по его рассказу. Рассказ Котова — это дневник очевидца, тем он и ценен. Даже когда его описания недостоверны или фантастичны, они опираются на конкретные дошедшие до него слухи и, по-видимому, в очень малой степени зависят от литературной традиции. От описания городов, протяженности

¹ В старину только дворяне имели право писать отчество на *-вич*, «подлый» же народ писался на *-ов*.

² *Столбовский мир* — подписанный 27 февраля 1617 г. в Столбово (близ Тихвина) мирный договор, положивший конец Русско-шведской войне 1613—1617 гг. Этот договор совершенно отрезал Россию от Балтийского моря. Установленные Столбовским миром границы сохранялись до начала Северной войны 1700—1721 гг.